

0843

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

TM

Кейтлин Крюс

**НЕ СМОГУ
ЖИТЬ БЕЗ ТЕБЯ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Кейтлин Крюс

Не смогу жить без тебя

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Крюс К.

Не смогу жить без тебя / К. Крюс — «Центрполиграф»,
2017 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08328-9

Из наивной мечтательной жены миллиардера Леонидаса Бетанкура, президента и директора «Бетанкур корпорейшн», Сьюсан в один миг превращается в его вдову. Леонидас погибает в авиакатастрофе сразу после свадьбы. И на хрупкие плечи Сьюсан сваливаются проблемы, казалось бы, неразрешимые и непосильные для девятнадцатилетней девушки. Ей предстоит вместо мужа возглавить компанию и противостоять нападкам его алчных родственников. Сьюсан умело со всем справляется. А еще она ищет мужа, не веря в его гибель. И спустя четыре года обнаруживает его в диких горах американского штата Айдахо, где он попал в секту и стал культовым божеством...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08328-9

© Крюс К., 2017

© Центрполиграф, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кейтлин Крюс
Не смогу жить без тебя
Роман

Caitlin Crews

A Baby to Bind His Bride

A Baby to Bind His Bride © 2017 by Caitlin Crews

«Не смогу жить без тебя» © «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Глава 1

Грубый на вид мужчина, на котором почему-то было надето несколько клетчатых фланелевых рубашек, вел Сьюсан все дальше вглубь дикой, необитаемой местности.

– Они называют его Графом, – сказал ей он. – Без имени, просто Граф. Но относятся к нему как к богу.

– Как к настоящему или как к выдуманному? – спросила Сьюсан. Но какая ей разница? Если Граф тот человек, которого она ищет, то разницы никакой.

Проводник бросил на нее косой взгляд.

– Не уверен, что это имеет значение по ту сторону холма, мэ.

Холм, по которому они устало тащились наверх, по мнению Сьюсан, правильнее было назвать горой, но ведь все в Скалистых горах в западной части США огромных размеров. Ее впечатление от Дикого Запада – бескрайнее пространство из рядов зубчатых гор, величественных в своей красоте с вечнозеленой растительностью, и с забавными названиями – например, самый высокий пик почему-то назывался «Крошка».

Сьюсан старалась не оступиться на дороге и справиться с легким головокружением из-за высоты.

До дороги они доехали на грузовичке – если эту тропу можно назвать дорогой – и теперь находились в дальней, дикой части штата Айдахо. Дорога представляла собой колею засохшей грязи, которая тянулась вглубь густых лесов, а склон указывал на то, что они поднимаются все выше и выше. Когда проводник остановил автомобиль, Сьюсан уже потеряла счет времени и смирилась с бесконечным подпрыгиванием и заваливанием на бок. Оставшийся путь к поселку им предстояло пройти пешком. Спутник ее шел впереди, она – за ним. Господи, неужели она на самом деле находится среди необитаемой дикой природы, совершив перелет из Рима в другую часть света на личном самолете Бетанкуров. Заядлой путешественницей она никогда не была, но она – вдова Бетанкур. У нее нет другого выбора, как пройти через это испытание. Ни обувь, ни одежда не подходили для такого приключения. Она была во всем черном с головы до ног, подчеркивая свое положение вдовства. Это вошло у нее в привычку. Сегодня на ней были кашемировые пальто и платье и высокие, до колен, сапоги. Она ждала, что будет холодно, но такого трудного пути не предполагала:

– Вы точно не хотите переодеться? – спросил ее проводник, когда они стояли в его полуразвалившемся домишке на заросшем поле, усыпанном автохламом. От этой убогости она уже не чувствовала прежней уверенности. – Ну, надеть что-нибудь менее...

– Менее? – не поняла Сьюсан.

– Туда нет настоящей дороги, – ответил проводник, – сплошные ухабы. Будет тяжело. Может, переоденетесь...

Но что такое Скалистые горы? Они не сравнятся с интригами, преследующими ее в жизни. Она вот уже несколько лет, хоть и номинально, но управляла международной корпорацией Бетанкуров, не давая ни своей семье, ни семье покойного мужа, а также совету директоров взять над ней верх. На публике она носила исключительно черное, начиная с похорон, потому что она – очень молодая вдова одного из богатейших людей в мире бизнеса. Она сочла, что черные наряды подчеркивают ее намерение навсегда сохранить траур, независимо от того, какие бы ни были планы относительно ее будущего у родителей и родственников со стороны мужа. Или у кого бы то ни было еще.

Она останется вдовой Бетанкур очень надолго. Никаких новых мужей, которые возьмут бразды правления в свои руки, как бы ее ни подталкивали со всех сторон вновь выйти замуж.

Если ей суждено вечно носить черное, то так тому и быть, потому что вдовство давало ей свободу.

А если Леонидас Бетанкур не погиб на самом деле при крушении самолета четыре года назад? Именно ради этого Сьюсан притащилась через всю планету в это дикое место.

Леонидас летел сюда на отдаленное ранчо, чтобы встретиться с возможным инвестором, когда его самолет упал в непроходимую чащу леса. Тело так и не нашли, но власти были уверены, что взрыв такой силы превратил все доказательства в пепел.

Сьюсан не была в этом уверена. Вернее сказать, она со временем все больше убеждалась, что все связанное с ее мужем не является несчастным случаем. Сомнения привели к тому, что она наняла частных детективов и начала розыски. Она изучила массу нечетких фотографий смуглых суровых мужчин, которые не походили на Леонидаса.

Не один год она изображала Пенелопу перед своими родителями и перед родственниками мужа с их интригами. Она притворялась страдающей от горя и пресекала все разговоры о повторном замужестве.

Но никаких страданий не было. Она едва знала старшего сына старых знакомых семьи, к браку с которым ее готовили родители. У нее, конечно, были девичьи мечты, как у любой в юном возрасте, но Леонидас их разрушил, когда погладил ее по голове во время свадьбы, словно она была щенком. Затем он исчез в разгар приема, потому что того требовали дела.

– Хватит себя жалеть, Сьюсан, – холодно сказала ей мать в тот вечер, когда Сьюсан, стараясь не плакать, стояла покинутая, в шикарном белом платье. – Мечты о сказках – это для маленьких девочек. Ты теперь жена наследника состояния Бетанкуров. Воспользуйся возможностью и реши, какой женой ты будешь. Неженкой, принцессой, запертой в одном из помещений Бетанкуров, или той, с кем считаются.

А еще до наступления утра пришло сообщение, что Леонидас пропал. И Сьюсан выбрала второе – стала той, с кем считаются, и была ею четыре прошедших года. За это время она превратилась из робкой, наивной девятнадцатилетней девочки в совершенно другого человека. Она решила, что больше не будет игрушкой, призом, и доказала это.

Теперь она здесь, на склоне горы в американском штате, о котором что-то смутно слышала. Она поднимается в какой-то лагерь, и там встретится с мужчиной, похожим наружностью на Леонидаса. И этот мужчина – культовое местное божество.

– Нельзя сказать, что это культ «Страшного суда», – сообщил Сьюсан нанятый ею детектив. Они разговаривали в огромном пентхаусе в Риме, где жила Сьюсан, поскольку это было рядом с главным европейским отделением «Бетанкур корпорейшн». Она предпочитала сама держать руку на пульсе всех дел компании.

– В этих культах есть какие-то различия? – спросила она, стараясь выглядеть отстраненной, глядя на фотографии – снимки мужчины в развевающейся белой одежде, с длинными волосами.

Леонидас не носил таких длинных волос, но во взгляде темных глаз было знакомое жесткое выражение. И фигура: такая же гибкая, поджарая, правда, со шрамами, что понятно, если человек выжил после падения самолета.

Это – Леонидас Бетанкур. Сьюсан готова поклясться.

Осознание этого потрясло ее до глубины души.

– Отличие в культах такое: станут вас удерживать или убьют, но это имеет значение лишь в том случае, что если вы отправитесь туда, *signora*, – сказал ей детектив.

– Выходит, есть чего ожидать, – заключила Сьюсан с холодной улыбкой, но с внутренней дрожью. Ее муж жив. Жив.

Если Леонидас действительно прижился в диких условиях и стал божественным лидером, то опыта ему не занимать – он приобрел его в самой лучшей классной комнате: кишашей акулами «Бетанкур корпорейшн».

За четыре года, окунувшись в эту атмосферу, Сьюсан многому научилась и поняла главное: когда Бетанкуры чего-либо захотят – к примеру, устранить Леонидаса от сделки, которая

принесла бы компании много денег, но которую он считал сомнительной, – они обычно находили способ эту сделку заключить. Даже если для этого нужно подорвать самолет с самовольным главой корпорации. Бетанкуры были настолько несметно богаты и всеильны, что могли совершать и такое.

Но на свете есть кое-что получше, чем быть вдовой Леонидаса Бетанкура, – так думала Сьюсан. Это – вернуть его из мертвых. Пусть бы сам занимался своим бизнесом, а она, Сьюсан, смогла бы жить той жизнью, которую не знала, когда ей было девятнадцать. Она могла бы развестись, стать независимой и ни в кого не влюбляться. И сделать это к своему дню рождения, когда ей исполнится двадцать четыре года. Она освободится от всех этих Бетанкуров, и у нее появятся силы противостоять родителям.

Свободная – и точка.

Перелет на другой конец планеты в дебри Айдахо – это малая цена за свободу.

– А какой лидер Граф? – спросила Сьюсан, идя следом за проводником. – Он великодушный? Или он внушает страх?

– Не могу сказать, – пробурчал проводник. – По мне, так все культы одинаковы.

Можно подумать, что в этой части света с десяток культов! Но кто знает...

Они подошли к поселению.

Только что вокруг был лес, а сейчас они стояли перед большими воротами, за которыми был виден расчищенный участок, обнесенный колючей проволокой, а проволока была увешана плакатами с предупреждениями «Не входить», и перечислялись страшные последствия для незваных гостей. Поверх изгороди вращались видеокамеры.

– Дальше я не пойду, – сказал проводник, отступив на обочину леса.

Сьюсан даже не знала его имени. Конечно, лучше бы он пошел с ней, раз уж довел ее до места. Но они так не договаривались.

– Понимаю, – ответила она.

– Я подожду внизу с машиной, если вам понадобится. Я бы провел вас внутрь...

– Я понимаю, что вы не можете, – сказала Сьюсан. Все это было ей объяснено в его хижине. – Остальное я должна сделать сама.

Не может же она появиться в поселении, окруженная телохранителями, когда ее муж прячется там от всего мира? Даже несколько крепких вооруженных парней было бы слишком – так ей объяснил проводник, потому что люди, которые прячутся в почти недосыгаемом поселении Скалистых гор, обычно не принадлежат к тем, кто любезно обходится с посетителями. Особенно если эти гости вооружены.

Но молодая женщина, называющая себя вдовой и одетая как вдова, – это совсем другое, не сулящее угрозу. Так думала – и надеялась – Сьюсан. Хотя лучше поменьше думать о том, что она делает. Она прочитала очень много триллеров за годы учебы в швейцарском пансионе, где провела юность. И сегодня каждый страшный сюжет пролетал у нее в мозгу, словно кадры из кинофильма.

Не надо думать о риске! Все, чего она хочет, – это узнать, что случилось с Леонидасом.

Как ни печально признать, но она, скорее всего, единственный человек, кому это небезразлично.

Она твердила, что ей небезразлично лишь потому, что, отыскав его, она освободит себя.

Сьюсан решительно пошла к воротам, чувствуя, как по коже бегут мурашки. Она знала, что видеокамеры направлены на нее, но боялась кое-чего похуже слезки – снайперов. Сомнительно, чтобы люди в лесах построили укрепление без намерения защититься.

– Стойте там!

Сьюсан не могла понять, откуда раздался голос, но остановилась и подняла руки, хотя и не над головой.

– Я здесь, чтобы увидеть Графа! – крикнула она.

Ничего не произошло. Неужели ничего и не произойдет? Но тут медленно распахнулась дверь сбоку от ворот.

Она затаила дыхание. Это все-таки Леонидас?

Из двери вышел мужчина, но это не Леонидас. Невысокого роста, через плечо висело полуавтоматическое ружье, выражение круглого лица далеко от приветливого.

– Вам следует уйти с нашей горы, – заявил он, махнув ружьем.

Но он недоуменно сдвинул брови, и Сьюсан поняла: его озадачила ее одежда. Потому что она не была одета так, как мог бы одет тот, кто собрался напасть на поселение. Да и для ходьбы по лесу тоже.

– У меня нет особенного желания здесь находиться, – твердо произнесла она. – Я хочу лишь увидеть Графа.

– Граф встречается с теми, кого хочет видеть, – злобным голосом объявил мужчина, будто не мог поверить, что у нее хватило смелости предположить, что она может предстать перед таким великим человеком.

Но ей это могло и показаться. Что она знает о членах общины?

Она склонила голову и сказала:

– Он захочет увидеть меня.

– Граф занятой человек. У него нет времени для странных женщин, которые появляются из ниоткуда, рискуя быть подстреленной.

А это уже можно расценить прямой угрозой. Сердце у Сьюсан выбивало в груди дробь. У людей, обитающих среди бескрайней дикой природы, другие представления об оружии. И об угрозах.

– Я не жажду быть застреленной, – насколько могла спокойно ответила она. – Но Граф захочет меня увидеть – я уверена. – Ни в чем она не уверена. То, что Леонидас запер себя в таком месте, назвался дурацким именем, говорило о том, что он не желает быть обнаруженным. Никогда. – Почему бы вам не отвести меня к нему? Он сам вам это скажет.

– Леди, я не буду вам повторять. Уходите. Уходите отсюда и больше сюда не возвращайтесь.

– Я не собираюсь уходить, – отрезала Сьюсан стальным тоном, который освоила за четыре прошедших года. Словно ожидая, что ее приказы просто выполнят лишь потому, что она их отдает. Словно она – Леонидас, а не его молодая вдова, которую он и не помышлял оставить ответственной за что-либо, и уж точно не за его состояние. Но Сьюсан сделала как раз то, что велела ей мать. Она взяла фамилию Леонидаса и одновременно его авторитет. Она ставила в тупик людей в мире концернов и корпораций точно так же, как это делал он. И это продолжалось не один год. – Я должна увидеть Графа.

– Послушайте, леди...

– Есть только два варианта: впустить или застрелить, – равнодушно произнесла она.

Мужчина растерянно заморгал. Сьюсан не винила его. Она не съежилась, не переминалась с ноги на ногу, не показывала, что дрожит от страха. Она просто стояла, словно совершенно естественно находится на горе, на высоте тысячи метров в дикой глуши Айдахо. Она не отводила глаз и ждала с невозмутимым видом, будто каждый день совершает переход к дверям культовой общины и требует впустить ее.

Сьюсан сверлила его взглядом, пока ему не стало неловко. Ему, а не ей.

– Кто вы, черт возьми?! – наконец спросил он.

– Рада, что вы поинтересовались. – Сьюсан даже улыбнулась, слегка и уже не так холодно. И пустила в ход свое оружие: – Я жена Графа.

Глава 2

Жена? У него нет жены.

Или ее не было, насколько он мог помнить... но беда в том, что он не мог ничего вспомнить. Последние дни это все больше его мучило. Он не мог вспомнить очень многое.

Он мало что помнил, гораздо больше вещей он не мог вспомнить. Того, что произошло за прошедшие четыре года.

Люди в селении рассказывали истории о том, как они нашли это место. Как они пришли сюда, каждый своей собственной дорогой в горах. Они говорили о том, что оставили позади: о людях, о местах, где жили раньше, о вещах, о мечтах и ожиданиях.

Но Граф знал только этот лагерь-поселение.

Его первое воспоминание: он просыпается в просторных комнатах – эти комнаты он до сих пор занимает. Он очень долго лечился. Потом учился сидеть, потом стоять, потом ходить. И даже когда, наконец, стал ходить самостоятельно, он не чувствовал, что это его тело. А каким оно было? Он не мог сказать.

Ушло полтора года, прежде чем его здоровье более или менее восстановилось.

И еще полтора года ушло, чтобы понять: не важно, кто он, потому что окружавшие его люди очень волновались, когда он не изображал культового божества.

Он уже не знал, что такое быть нормальным. Потому что так и не вспомнил ничего, кроме того, что есть здесь и сейчас.

Люди убедили, что его появление было предопределено. Они сказали ему, что это – часть великого плана: они собрались вместе, молились, и у них появился правитель в том лесу, где они жили. Вот и вся история.

Граф согласился с ними, потому что не было причин не согласиться.

Он чувствовал себя лидером. Чувствовал с первого момента, как только открывал глаза. Когда он отдавал приказ, то люди кидались исполнять его. И это не казалось ему чем-то новым. Это было ему знакомо. Ему это нравилось. Это правильно и хорошо.

Любое его желание исполнялось. Люди собирались, чтобы послушать, что он скажет. Они беспокоились о его здоровье. Они кормили его, одевали его и слушались его. Чего больше мог желать человек?

И вот появляется женщина, заявляющая, что она его жена. Граф почувствовал, что в нем что-то треснуло и раскрылось.

– Она настырная, – неохотно сказал Роберт, его ближайший помощник. И уж совсем неодобрительно добавил: – Она говорит, что давно искала вас.

– И все-таки у меня нет жены, – ответил Граф. – Разве ты мне это не говорил с самого начала?

Роберт был единственный, кто подошел вместе с ним к мониторам, чтобы взглянуть на женщину. Граф ждал, когда ощутит что-то похожее на узнавание, но, как и все в его жизни, воспоминаний не было. Памяти нет.

Иногда он говорил своим людям, что благодарен за то, что его ум – чистый холст. Но бывало и такое, когда вещи, которых он не знал, атаковали его подобно зимней буре.

– Конечно, у вас нет жены! – Голос Роберта звучал возмущенно. – Это не ваш путь. Это путь не таких великих мужчин.

Это место – место чистоты и непорочности. Графа никогда не посещало искушение сойти с этого пути. Мужчины и женщины или следовали правилам непорочности, или уходили прочь. Те, кто были женаты, освобождались от этого обета.

За все время Граф ни разу не взглянул на женщину с вождением, не почувствовал ничего, кроме чистых помыслов.

До сего момента.

За минуту он понял, что же с ним происходит. Ему следует ужаснуться, но он не ужаснулся. Похоть, оказывается, ему знакома, но почему-то его это не испугало. Он сказал себе, что искушение – это хорошо, поскольку делает его сильнее, чтобы справиться со страшным наваждением. Он убеждал себя, что это не больше чем проверка.

Женщина на экранах монитора выглядела нетерпеливой. Это первое, что отличало ее от женщин, живущих здесь. И еще она выглядела... хрупкой. Не загорелой и крепкой, как все его люди. Она выглядит нежной.

Граф сам не знал, почему он хочет коснуться ее и понять, такая же она нежная, как выглядит.

На ней была одежда, которую бессмысленно носить здесь, в горах. Граф, конечно, не помнил, чтобы когда-нибудь спускался вниз с горы, но он знал, что за пределами поселения находится другой мир. Ему об этом говорили. Черная одежда явно из дорогой материи, красиво облегающая стройную маленькую фигуру, заставила его подумать о городах.

Он никогда не думал о городах. А сейчас, когда подумал, то все они пронеслись в голове подобно кинокадрам.

«Нью-Йорк. Лондон. Шанхай. Нью-Дели. Берлин. Каир. Окленд».

Словно он бывал в каждом из них.

Он отбросил эту странную мысль и переключился на женщину. Ее привели вглубь поселения и поместили в изолированную комнату. Кельей эту комнату не называли, но, по сути, это была келья. Там стоял старый диван, туалет за ширмой в углу и камеры на стенах.

Если женщина и чувствовала себя неудобно, то ничем это не выдала. Она сидела с таким видом, будто готова сидеть вечно на этом диване. Лицо совершенно невозмутимое, голубые ясные глаза смотрят спокойно. И она... непостижимо прекрасна.

Правда, у него нет опыта сравнивать ее с кем-то. Но почему-то Граф знал, что, если поставить в ряд всех женщин на свете, он все равно не нашел бы такую же потрясающую.

Ноги у нее были длинные и красивой формы, что видно даже под сапогами. Она аккуратно скрестила ноги, не обращая внимания на то, что сапоги измазаны грязью. На ее левой руке только одно довольно большое кольцо, в котором отражался свет. Ее рот... он породил в Графе желание, внутри перекачивался ком. Он стал смотреть на ее блестящие светлые волосы, зачесанные назад и уложенные в замысловатую прическу на затылке.

«Шиньон», – вдруг пришло на ум.

Он же не знает такого слова. Но это подходящее определение ее прически. Необъяснимым образом ему известны те вещи, о которых не нужно знать.

– Приведи ее ко мне, – внезапно распорядился он.

– Она не ваша жена, – сердито произнес Роберт. – У вас нет жены. Вы Граф, правитель, ведущий по великой тропе верных вам последователей!

– Да, да, – отмахнулся Граф. Роберт ведь не знает, жена ли она ему. И он тоже не знает. Что он знает про себя? Не мог же он просто появиться из ниоткуда в огненном дожде, как заявляли все. Это ему разъяснили с самого начала. Но если он просто появился в ореоле огня, то ему не понадобилось бы столько времени, чтобы поправиться.

Но эта мысль нарушает веру в культ, а высказывать публично свои сомнения он не мог.

Он знал следующее: если он появился откуда-то, значит, у него была там жизнь. И если эта женщина думает, что знает его, то от нее можно почерпнуть сведения.

А вот это ему необходимо.

Он не стал ждать, послушается ли его Роберт, – он знал, что послушается, потому что все ему повиновались. Он вышел из комнаты наблюдения и прошел по лагерю, где ему была известна каждая постройка, каждая стена, построенная из бревен, каждая комната, каждый

камин, сложенный из камня, каждый коврик на полу. Он никогда не думал ни о чем, кроме этого места, – все, чего он хотел и в чем нуждался, было прямо здесь.

Его люди брали все необходимое для жизни у горы.

«Сидней. Санкт-Петербург. Ванкувер. Рейкьявик. Осло. Рим».

Что было бы, если он вдруг смог увидеть много разных мест и вещей? А не только лес и горы, где кругом, кроме деревьев и изменений погоды, ничего не видишь.

Граф направился в свои покои, устроенные в стороне от помещений для остальных. Он шел с задумчивым видом, будто общался с Духом, что отбивало охоту к нему приблизиться.

Да никто и не осмеливался. Все наблюдали издали за тем, как он шествует, а те, кто жаждали его внимания, громче произносили молитвы, но ни один человек не пытался поймать его взгляд.

Он вошел в свои комнаты и остановился в первой, парадной. Когда он только начал приходить в себя и поправляться, то у него вызвала неприятие пустота в этих помещениях. Это напоминало тюрьму, хотя подсознательно понимал, что в тюрьме он никогда не был.

Голые стены. Почти никакой мебели. Ничего отвлекающего человека от его предназначения.

На его совести, что ему так и не удалось ощутить свое предназначение, – то, как это понимали все.

Ему не пришлось долго ждать – женщину быстро привели. Она появилась, и ее черная одежда странно контрастировала с пустыми белыми стенами. Все кругом было белым: его свободный наряд, стены, деревянный пол, даже кресло, на которое он сел, – оно было похоже на трон из слоновой кости.

И вот эта женщина. Она стоит посередине комнаты, одетая в черное, у нее голубые глаза, она стоит прямо и в упор смотрит на него, губы слегка приоткрыты, а в глазах блеск.

Вот она, эта женщина, назвавшаяся его женой.

– У меня нет жены, – сказал ей он, когда их оставили одних. У него нет причины испытывать беспокойство, но его охватила тревога. – У правителя нет жены. Его путь чист.

Он продолжал сидеть на единственном кресле в комнате. Но если стоять перед ним подобно просителю и смущало ее – хотя, конечно, все просители падали ниц перед его величием, а не стояли, рискуя вызвать его гнев, – она этого не показала. На ее лице было написано скорее удивление. И с налетом раздражения – он это не увидел, но почувствовал.

– Это, должно быть, шутка.

Это все, что она сказала, сказала негромко, почти шепотом.

А Граф был зачарован ее глазами, такими ярко-голубыми и сверкающими подобно бриллиантам от переполнявших ее чувств, понять которые он не мог.

– Я не шучу, – ответил он. Он был уверен, что жены у него никогда не было. Здесь не было.

Женщина тяжело вздохнула, словно перед трудной задачей.

– Как долго ты намерен прятаться здесь? – спросила она.

– Где еще мне быть? – Он склонил голову набок, разглядывая ее, пытаясь понять, почему она так взволнованна. – Я не прячусь. Это мой дом.

У нее вырвался негромкий смех.

– У тебя много домов и много собственности, – сказала она. – Пентхаус в Риме, разумеется. Виноградник в Новой Зеландии. Остров в южной части Тихого океана. Таунхаус в Лондоне. Вилла в Греции. И земли, которыми твоя семья владеет в Бразилии. У тебя полно домов на любом континенте, но горного курорта в Айдахо среди них нет.

– Курорт? – повторил он. Еще одно неизвестное слово. Но стоило ей произнести его, как он понял, что оно ему знакомо.

Она, скрестив руки на груди, повернулась, оглядывая пустую белую комнату.

– Это больничная палата? В этой психиатрической лечебнице ты четыре года укрывался от своих обязанностей? – Голубые глаза сверлили его. – Если ты знал, что сбежишь, зачем было жениться на мне? Ты не представляешь, с чем мне пришлось столкнуться за эти годы. Чем я заслужила такой кошмар?

– Вы разговариваете со мной так, будто знаете меня, – тихо, но с угрожающими нотками произнес он.

На нее это не произвело впечатления.

– Я совсем тебя не знаю, и от этого ситуация еще ужаснее. Если ты хотел наказать кого-то из компании или твою семью, то зачем выбрал меня? Мне было всего девятнадцать. Ты не удивишься, если я скажу, что они готовы были меня сожрать.

Он почувствовал внутри что-то острое, похожее на разбитое стекло. И с каждым ее словом осколки резали его.

– Я не выбирал вас. Я не женился на вас. Я понятия не имею, кто вы, но я – Граф.

– Ты никакой не граф, – оборвала его женщина, и до него дошло – слишком поздно, – что она представляет для него опасность... очень серьезную. Но он не мог определить, какого рода опасность. Это больше похоже на приятное возбуждение. А она еще не закончила: – Твоя семья, конечно, играет в аристократию, но титула у тебя нет. Твоя мать любит заявлять, что она прямой потомок Медичи, но я не уверена, что кто-либо воспринимает это всерьез, хотя она многократно грозилась совершить убийство, отравив еду.

У Графа в голове все смешалось, в висках и затылке – тупая боль. Она в этом виновата. Ее следует отправить обратно в келью или сбросить с горы.

Тогда почему он поднялся с кресла, прошел прямо к ней и встал рядом? Будь она одной из его подданных, то подняла бы руки, а потом повалилась бы к его ногам. Она рыдала бы, моля о прощении.

Эта женщина не сделала ничего подобного. Она задрала подбородок и встретила с ним глазами, несмотря на то что он значительно выше ее.

Мало этого – она смотрела так, как будто ей нипочем его грозный вид.

– Вам следует выбирать слова, когда говорите со мной, – с трудом произнес он. Внутри у него кипело и бурлило и больно царапало.

– Какова цель этой шарады? – требовательным тоном спросила она. – Тебе меня не одурачить. Ты же знаешь, что мне известно, кто ты. И угрозами делу не поможешь.

– Это не угроза. Это предупреждение. – Ему вдруг захотелось протянуть руки и коснуться ее. Это его смутило, но не настолько, чтобы отойти, как следовало сделать. – Определенную непочтительность я допускаю, но редко. Непочтительность губительна, и мой народ такого поведения не признает.

– Твой народ? – Она покачала головой. – Если ты о почитании культа, то эти люди соучастники преступления.

– Я не совершал никаких преступлений.

Граф не мог понять, почему он оправдывается. Ничто в памяти не подготовило его к этому: люди с ним никогда не спорили и не стояли перед ним, бросая обвинения. Все в поселении его обожали. Он никогда не бывал рядом с кем-то, кто не поклонялся ему.

Удивительно, но поведение женщины заряжало энергией, будило странные желания. Ему хотелось запустить руки в ее аккуратную, тщательно уложенную прическу, захотелось ощутить вкус ее губ, которые осмеливались говорить ему подобные вещи.

Причиняющее ему боль острое стекло – это она. Это стекло надо вытащить.

– Ты, очевидно, исчез с места катастрофы, – продолжала она все так же бесстрашно. Она его совершенно не боится! В это трудно поверить. – Вся твоя семья считает тебя погибшим. И я то же так считала. Тем не менее ты здесь. Жив и здоров, и в белом наряде, прямо как

новобрачный. И ты прячешься на вершущке горы вместо того, чтобы разбирать завалы, которые ты оставил после себя.

Граф засмеялся:

– Кем же вы меня представляете?

– Я ничего не представляю, – сердито заявила она. А он, сам того не сознавая, положил руки ей на плечи. – Я сразу поняла, что это ты, когда увидела фотографии. Но каким образом тебе удалось так долго прятаться? Ты же публичный, слишком узнаваемый человек.

– Я Граф, – повторил он и почувствовал во рту металлический привкус – он испугался, что это признак отчаяния. – Я на тропе истины.

– А я – Сьюсан Форрестер Бетанкур, – прервала его она, не отодвигаясь от него, а наоборот – приблизившись и приподнявшись на мысках, чтобы лучше его видеть. – Я твоя жена. Ты женился на мне четыре года назад и оставил меня в брачную ночь.

– Это невозможно. У Графа нет жены. Это сделало бы его нечистым.

У нее вырвалось презрительное фырканье, голубые глаза сверкнули.

– Ты никакой не Граф. Ты Леонидас Бетанкур, ты – владелец «Бетанкур корпорейшн». Это означает, что ты настолько богат, что мог бы купить все горы в этом районе на то, что сейчас лежит в твоём кармане. Это означает, что кто-то – не исключено, что им мог быть и член твоей семьи, – подстроил аварию самолета, чтобы устранить тебя.

Боль у него в висках усилилась, затылок стянуло.

– Я не тот, кем вы меня считаете, – с трудом выговорил он.

– Ты именно тот, кем я тебя считаю, – прозвучал резкий ответ. – Леонидас, тебе давно пора вернуться домой.

Боль, гул, громкий и настойчивый... все это происходит у него внутри. Может, им овладел демон? Может, демоническая сила заставила его притянуть ее поближе, словно он ее муж, как она утверждает? Может, поэтому он впился ей в губы и наконец-то ощутил их вкус?

Один поцелуй и... он вспомнил... вспомнил все.

«Все».

Кем он был. Как попал сюда. Последние мгновения того рокового полета. Его очаровательную юную новобрачную, которую он, не задумываясь, оставил, потому что у него были срочные дела.

Он – Леонидас Бетанкур, а не чертов Граф. И он провел четыре года взаперти, окруженный служителями культа чистоты и непорочности, что почти смешно: ведь в нем нет и никогда не было ничего непорочного.

Поэтому он поцеловал маленькую Сьюсан, которая все это знала. Маленькую Сьюсан, которую бросили ему подобно наживке много лет назад как выгодную партию для ее родителей и удобный брак для его собственной семьи. Это был дьявольский план.

Он не отнимал рта от ее губ, наслаждаясь их сладостью. Он просто одержим.

Губы у нее мягкие, нежно пахнущие, этот запах ударяет в голову. Наверное, он так остро все ощущает оттого, что долго был этого лишен. Часть его, которая искренне верила в то, что он Граф – как верили его ненормальные подданные, – должна была его остановить.

Но не остановила.

Он снова и снова целовал ее.

Целовал, пока она не обмякла и не обвила руками его за шею и не припала к нему, будто не могла устоять на ногах.

Он вспоминал ее в белом платье, вспоминал гостей, приглашенных их семьями на церемонию в поместье Бетанкуров во Франции. Он вспоминал широко распахнутые голубые глаза, вспоминал юную невинную девушку, принесенную в жертву. Она была трофеем в браке, выгодном двум семьям.

Еще одно доказательство морального разложения семьи Бетанкур.

Но Леонидаса сейчас это не занимало.

– Леонидас... – шептала Сьюсан, оторвав рот от его рта. – Леонидас, я...

Он не желал разговаривать. Он хотел ее целовать, что и сделал.

Сьюсан нашла его. Сьюсан вернула его к жизни.

Поэтому он подхватил ее на руки и, ни на секунду не переставая целовать, отнес в спальню.

Он готов бежать отсюда, но сначала у них с Сьюсан будет брачная ночь. Он получит эту ночь спустя четыре года.

Глава 3

Сьюсан не могла прийти в себя от потрясения... приятного потрясения. Все, на что она была способна, – это поддаться восхитительному ощущению его губ на своих губах.

Словно она не один год шла, спотыкаясь в потемках, а поцелуй этого мужчины вывел ее на свет.

Надо его остановить – Сьюсан знала, что надо. Ей следует отодвинуться и возвести границу, установить правила. Для начала потребовать, чтобы он прекратил притворяться, что не помнит ее. Она не верила в амнезию. Она не верила, что такой человек, как Леонидас, такой смелый, непреклонный и яркий, мог исчезнуть. Он всегда казался ей величественным. Она знала с детства, кто он, и пришла в трепет, когда родители сообщили ей, что она выйдет за него замуж. Он был недостижим... ну, как звезды в небе. Таким он представлялся ей в день свадьбы. Она поверить не могла, что такой могущественный, властный человек мог так легко, так быстро умереть.

Но надо его остановить, прежде чем она коснется его, коснется, как рисовала в своем воображении перед свадьбой. Надо дать ему понять, что девушка, на которой он женился, умерла в тот же день, что и он. И что теперь она намного сильнее и увереннее в себе.

И... ничего из того, что ей следует сделать, она не сделала.

Когда Леонидас поцеловал ее, она поцеловала его в ответ неумелым, безрассудным поцелуем.

Что она знает о мужчинах или о том, что способны сделать их губы, зубы, касание твердой скулы? Она просто припала к его губам и поцеловала, как сумела.

И подпала под чары поцелуя.

Он поднял ее на руки, и у нее в голове пронеслось, что надо прекратить это безумие. Но его губы, его крепкие руки мешали, да и сил не было. Неужели она лгала себе все эти годы, желая освободиться от мужа?

Сьюсан едва помнила простодушную девочку, какой была в день свадьбы. Она жила в изолированном мире. Отец был богатый, известный английский банкир, а мать-голландка ненавидела жизнь в Англии. Сьюсан провела почти всю жизнь в закрытом швейцарском пансионе. Ей пришлось столкнуться с последствиями того, как ее воспитывали. Родители сказали ей – мечтательной девочке шестнадцати лет, – что ее ждет брак с отпрыском семьи Бетанкур. Сьюсан не расстроилась. Она не плакала в подушку каждую ночь, как ее подруга по комнате, когда той объявили о свадьбе.

А Сьюсан, наоборот, обрадовалась.

Леонидас был потрясающим, и все ее соученицы с этим согласились. Он был старше Сьюсан, но намного моложе, чем женихи ее подруг, и у него великолепная шевелюра, красивые зубы. Она познакомилась с ним, и он сразу произвел на нее впечатление властного и неприступного человека. Каждый раз, когда они виделись – а это происходило крайне редко, потому что он важный человек, а она просто девочка-школьница, – он всегда был обходителен с ней, хотя глаза смотрели сурово, если не сказать свирепо.

Она забыла все это. Он бросил ее в брачную ночь, затем умер, и она забыла его, погрузившись в дела «Бетанкур корпорейшн», полной семейных интриг и скандалов. Той глупенькой девочки больше не было.

И кажется, она так и не поумнела.

Когда он уложил ее на кровать и улегся рядом, то у Сьюсан из головы улетучилось все, в том числе мысли о собственной глупости.

У нее должна быть брачная ночь. Четыре года назад она собиралась отдать свою невинность мужчине, который стал ее мужем, а вместо этого получила годы вдовства и кучу врагов.

Сьюсан и сосчитать не могла количество мужчин, пытавшихся обольстить ее за эти годы. Многие из них были родственниками Леонидаса, но она оставалась непоколебимой. Она – вдова Бетанкур и носит траур. Она в горе. Это маленькая ложь защитила ее, как ничто другое.

Но Леонидас не умер. И сейчас распластался поверх нее, вдавив в твердый матрас своим сильным гибким телом. А она задыхалась от головокружительной радости и забыла о том, как он ее бросил.

Что сейчас? Это словно их брачная ночь.

– Я опоздал на четыре года, – прохрипел он, дыша ей в шею.

Сьюсан уперлась ногами в матрас и позволила Леонидасу целовать ее. Она ни о чем не думала, а целовала его в ответ.

Он потянул ее за узел волос и распустил густые пряди, что-то бормоча. Она не расслышала, да ей было все равно, потому что он не переставал целовать и теперь покрывал поцелуями ее шею. Она застонала, а он засмеялся и попытался снять с нее кашемировое пальто и платье. Она приподнялась, чтобы помочь ему, и даже не посмотрела, куда он все бросил.

Теперь она лежала под ним только в бюстгальтере и трусиках да еще в высоких, до колен, сапогах. Взгляд его темных глаз был... дикий и восхищенный. Сьюсан задрожала, почувствовав себя от этого первобытного взгляда красавицей. Тело ныло и... оживало. Неужели она действительно настоящая женщина, а не существо, закутанное в черные одежды, как в саван, который носила подобно доспехам? Неужели это не она была девочкой, на которой он женился? Неужели она та женщина, какой представляла себя в мечтах?

– Ты – бесподобный подарок, – произнес он, словно так и не вспомнил, кто она. Словно его амнезия не была притворной, и он на самом деле считал себя чем-то вроде местного божества, укрывавшегося в горах.

Но Сьюсан было не до этого. Потому что она – в объятиях Леонидаса.

Он касается ее и ртом, и руками. Руки отыскивали грудь и зажали в ладони. Он нагнул голову и стал ласкать сначала один сосок, потом другой. Сквозь тонкий бюстгальтер она чувствовала его горячий язык. Сьюсан выгнулась на кровати. Надо отстраниться... или подвинуться ближе? Она ни в чем не уверена.

А он снял с нее бюстгальтер, чтобы ткань не мешала ему покусывать ее нежные соски. Ничего подобного в своей жизни Сьюсан не испытывала. Она чувствовала себя открытой новому, прекрасному.

Она ухватилась за складки его белой одежды, задыхаясь от собственных стонов. Его язык спускался ниже к пупку, большие руки обхватили бедра. Он опустил голову и прижался ртом к тому месту у нее между ног, которое ныло и пульсировало. Сьюсан казалось, что она сейчас взорвется. И удивилась, что все еще не распалась на части.

Услышав шелест шелка, она, как в тумане, сообразила, что он стягивает с нее трусики. И все, что казалось сумасшествием, сменилось волшебством.

Она не сразу поняла, что он издает довольные звуки. Это добавляло возбуждения. У себя внутри Сьюсан почувствовала его пальцы. Длинные, крепкие мужские пальцы.

– О боже... – все, что смогла вымолвить она, запрокинув голову и зажмурив глаза.

– Так они называют меня, – засмеялся он.

Сьюсан думала, что сию секунду умрет от тех ощущений, которые разрывали ее на кусочки. Это продолжалось бесконечно, и она едва могла дышать.

Она куда-то неслась, даже когда он отодвинулся. Сьюсан разомкнула веки и уставилась на него, наблюдая сквозь дымку, как Леонидас снимает свои белоснежные одежды, и не удержалась, чтобы не ахнуть, когда увидела его обнаженным.

Гладкие, выпирающие мускулы... Где он это приобрел? Явно не в тренажерном зале. Ей не удалось увидеть его обнаженным четыре года назад, и сейчас он потряс ее своей мужественностью.

Может, это от шрамов? Они покрывали его грудь и спускались ниже талии.

– Столько шрамов... – прошептала она.

Сьюсан протянула руку и провела пальцем по шрамам – до которых смогла дотянуться – на мускулистой груди и плоскому животу. Это отметины страшной катастрофы, после которой не выживают. словно две картинki столкнулись у нее в мозгу и слились в одну с двумя мужчинами: один, внезапно ее оставивший, и второй, называвший себя Графом и скрывавшийся в горном поселке.

Но ей не нужны никакие картинки, ей все равно, в каком образе он сегодня. Его кожа такая горячая, тело такое крепкое, и она водит пальцем по шрамам, словно хочет оставить это в памяти.

– Я похож на чудовище из-за шрамов? – хрипло спросил он.

Он, разумеется, не считал себя чудовищем. Сьюсан сомневалась, что Леонидас Бетанкур когда-либо был о себе низкого мнения, кем бы он себя сегодня ни называл. Этот самый мужчина считал себя чем-то вроде бога еще до того, как обрел последователей в Скалистых горах, смотревших на него как на божество.

Сьюсан сморщила нос.

– Тебе это не все равно? Или ты воображаешь себя еще и чудовищем, а не только мужчиной?

И тут он засмеялся. Леонидас запрокинул голову и смеялся от души.

А ее пронзил страх. Но почему ей стало страшно? Не от его же красоты. Он красив – этого у него не отнять. Густые темные волосы с чуть заметным рыжеватым оттенком, длинные, не похожие на строгую короткую прическу тех прошлых дней. Глаза, карие с золотыми искорками, то обжигали, то ласкали. Его рост, жилистая мускулистая фигура, то, как он двигается, как сидит на импровизированном троне в белом зале... Он везде будет замечен и всегда будет притягивать к себе. В его красоте, в чувственных, совершенных, экзотических чертах лица смешались красота матери, гречанки, испанца отца, и прочих родных: бразильцев, французов, персиян.

Он поразил ее, когда она еще была девочкой.

Он великолепен. Иного слова не подобрать.

Сьюсан уже готова поверить, что он на самом деле бог.

– Ты совершенно права, – произнес, помолчав, Леонидас. – Чудовище, бог, мужчина. Мне все равно.

Сьюсан затрепетала. Это был внутренний трепет, огромная, пугающая радость. Она и хотела близости, и боялась, не в силах понять, что это: самоубийство или наслаждение. И... покорила Леонидасу, когда он склонился над ней и положил ее ноги себе на бедра. У Сьюсан кружилась голова. Что будет?

Но это уже не важно, потому что он начал ее целовать, словно припечатывал ее рот своими поцелуями.

Как же она выживала без него? Без... этой радости.

В глубине сознания пронеслось, что она должна ему сказать: «Я девственна». Надо предупредить – ведь их свадьба по-настоящему ничем не завершилась. Он может снова засмеяться – его позабавит, что женщина в ее возрасте до сих пор сохранила невинность. Но она все равно должна ему сказать. Чтобы он знал.

А сил выдать слова не нашлось. Да она и забыла о них, когда он сжал ее бедра и решительным движением приподнял.

Она ощутила его мужскую плоть, большую и твердую, касающуюся тех мест, которых никто никогда еще не касался.

Совсем другого рода дрожь охватила ее... дрожь, предвещающая беду или дикую жажду неизведанного. Ее словно сжали в тугой кулак. Она приоткрыла рот, чтобы сказать то, чего не хотела говорить, но не успела.

Он быстрым рывком глубоко вонзился ей внутрь.

Сьюсан не смогла притвориться – боль обожгла ее, подобно острому ножу. Тело сотряслось, бедра дернулись в попытке сбросить его. Она не сдержала крика.

Леонидас застыл. Глаза его сверкали.

Почти в тот же момент она подавила крик. Внутри ее – он, он заполняет ее собой. Неужели те места, которых он коснулся, части ее тела?

– Но это не должно быть больно, – произнес он.

– Это не больно, – соврала Сьюсан.

Он долго на нее смотрел, затем поднял руку и смахнул слезинку с ее щеки. И с другой тоже. А она и не подозревала, что слезы все-таки выступили.

Сьюсан чувствовала, что ею управляет какая-то непонятная сила. Эта сила исходила из боли у нее между ног. Эта сила – он. Ее охватило безрассудное желание, и она начала покачивать бедрами, понуждая его продолжать.

– Это чудесно, – сказала она.

– Вижу. И слезы, конечно, от этого. И то, что ты сморщилась, бесспорно это доказывает.

Сьюсан и не заметила, что сморщилась.

– Лишь потому, что люди боготворят землю, по которой ты ступаешь, не значит, что ты можешь читать мысли. В особенности мои.

– Мне не надо читать твои мысли, малышка, – пробормотал он. – Твое тело говорит все, что мне необходимо знать. Вот чего я не понимаю, – так это то, как тебе все годы удавалось оставаться невинной.

Сьюсан сморгнула еще одну слезинку.

– Я твоя вдова. Конечно, я сохраняла невинность. Ты умер, не успев это изменить.

Леонидас провел руками ей по бокам, потом откинул волосы с ее лица. Большие руки перемещались по ее телу, распространяя жар и покалывание по всем клеточкам. Она ожидала движения у себя внутри, но он просто касался ее кожи, касался ласково, словно мог ждать вечно.

– Трудно в это поверить, зная моих кузенов, – склонив голову набок, сказал он. – Я скорее подумал бы, что они накинутся на мою вдову, как воронье на добычу.

– Так оно и было.

– Но ты питала такие глубокие чувства ко мне, что помешало тебе принять их предложения? – Голос Леонидаса звучал насмешливо, а выражение золотисто-карих глаз было циничным.

У нее в груди образовался ком, стал расти и больно давить.

– Ты наверняка удивишься, но мне твои кузены не очень-то и нравились. – Сьюсан уперлась руками ему в плечи, словно собиралась оттолкнуть его. Но не оттолкнула, пальцы сами собой впились ему в кожу. – Я попросила их уважать мой траур. И неоднократно это говорила.

Леонидас снова рассмеялся.

– Неужели ты горевала обо мне, малышка? – спросил он с усмешкой. – Позволь тебя заверить, что я не лучше моих кузенов.

– Может, не лучше, а может, и лучше. Но я замужем за тобой, а не за ними.

С Леонидасом что-то произошло, и она это почувствовала. Словно его тело сотрясли подземные толчки, и это переросло в рывки у нее внутри. Давление, жар... и восторг, первобытная радость заполнили ее, горячими струями побежали по жилам.

Постепенно она приноровилась к его медленному, размеренному ритму. Он был осторожен с ней, понимая полное отсутствие у нее опыта. Но с каждым его погружением она буквально раскрывалась подобно бутону.

Внутри у нее пылал огонь. Этот огонь освободил ее чувства, и она не сопротивлялась, не пыталась сдержать себя. Возможно, потом она пожалеет об этом, но здесь и сейчас их близость казалась естественной. Правильной. Необходимой.

Она отдавалась ему. Он – ее муж, возродившийся из мертвых. Пусть с опозданием, но это случилось.

До сегодняшнего дня Сьюсан не подозревала, что хотела их близости больше всего на свете, что именно этого ей не хватало четыре года. Но стоило Леонидасу коснуться ее, как все изменилось.

Будет ли она прежней?

Ей казалось, что она взмывает ввысь сверкающей звездой.

Она услышала, как Леонидас выкрикивает ее имя, присоединяясь к ней в этом полете.

Глава 4

Леонидас раньше, в своей прошлой жизни, слышал, что приверженцы культов не приветствуют уход членов общины ни при каких обстоятельствах, а иногда препятствуют весьма яростно.

Но он твердо настроен был уйти.

Он встал с кровати, несмотря на искушение опять насладиться Сьюсан. Она свернулась комочком, уткнувшись лицом в подушки, раскрасневшаяся и притягивающая... принадлежавшая ему.

Господи, как же он ее хочет!

Но не следует забывать, кем он был на самом деле. А это означает, что оставаться здесь он не мог – в этой тюрьме, в этом культовом укрытии – ни дня.

В ванной комнате Леонидас встал под душ, пытаясь мысленно примирить Леонидаса Бетанкура и Графа. Но вместо этого думал о Сьюсан в его постели. Ее появление – яркая вспышка на фоне мрачной тусклости, которой он не замечал. Она выглядела хрупкой и ранимой, как тогда, в день свадьбы. Но тело вспоминало и другое: ее бедра, прижимавшиеся к его бедрам, сладость ее девственного тела.

Леонидас заставил себя встряхнуться. Он насухо вытерся полотенцем, чтобы идти к Сьюсан. Ему предстояло ласково разбудить ее. И может, смахнуть ей слезы. Или еще как-то успокоить. Утешать он не умел никогда, да и опыта с невинными девушками у него не было, но ум подсказывал, что тут требуется деликатность и мягкость. Такие незнакомые понятия, а придется проявить сочувствие к молодой прелестной жене, которая нашла его и вернула ему свое «я».

Но когда он вернулся в спальню, то обнаружил, что Сьюсан уже не лежит, свернувшись комочком, подобно кошечке. И не рыдает в простыни. Она встала и выглядела вполне невозмутимой, словно между ними ничего не произошло.

Ничего значительного.

Леонидас был задет, но решил не обращать на это внимания.

– Нам следует подумать о перспективах, разумеется, – поразила его жена, надевая платье и аккуратно расправляя складки. – Нам не нужен пропавший, считавшийся мертвым президент и исполнительный директор «Бетанкур корпорейшн», который укрывался в убежище в горах. Мы не можем позволить, чтобы кто-нибудь предположил, что у тебя было помутнение рассудка.

– Прости? Помутнение рассудка?

Сьюсан бросила на него через плечо взгляд одновременно мягкий и решительный.

– Я не собираюсь никому сообщать, что потерял память, если тебя это беспокоит, – натянуто произнес он.

– Меня беспокоит следующее: мы должны придумать правдоподобную историю, чтобы объяснить, где ты находился четыре года, – спокойно ответила она, повернувшись к нему лицом. – Если мы сами этого не сделаем, то это сделает кто-нибудь еще. Ты наверняка помнишь, что у тебя много врагов, которые не станут танцевать на европейских улицах от радости, что ты вернулся.

«Мы? Что это значит?»

Он четыре года не знал, кто он такой, и уж точно не знал, кем была Сьюсан. Его воспоминания о ней были стерты и совсем не напоминали полную энергии женщину, стоящую перед ним в комнате. В мозгу смутно промелькнула картинка свадьбы или какого-то помпезного зрелища, где она в шикарном платье. Ему даже слышался отдаленный голос матери, и

ее наставление о том, почему он должен жениться на девушке не по своему выбору, и что он обязан сделать это в интересах семьи, как теперешняя глава компании после смерти отца.

Сейчас Сьюсан занимала его мысли больше, чем во время их помолвки и свадьбы, когда их две очень богатые семьи соединились и стали еще богаче. И неудивительно, потому что ему надо освободиться от пут божественного культа и восстановить свою подлинную жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.